

«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

O R I E N T A L I A

**The Russian Academy of Sciences
The Institute of Oriental Manuscripts**

**Российская Академия наук
Институт восточных рукописей**

S. G. Klyachtornyj

**THE RUNIC MONUMENTS
OF THE UIGHUR KAGHANATE
AND THE HISTORY
OF THE EURASIAN STEPPE**

С. Г. Кляшторный

**РУНИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
УЙГУРСКОГО КАГАНАТА
И ИСТОРИЯ
ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ**

**St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers
St. Petersburg
2010**

**Издательство «Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
2010**

УДК 947.011
ББК ТЗ(2)413.13

*Издается при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 09-01-16002д)*

*Рекомендовано к печати Ученым советом
Института восточных рукописей РАН*

С. Г. Кляшторный. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. — 328 с. + 1,5 л. ил. (Orientalia).

В монографии опубликованы и интерпретированы древнеуйгурские рунические памятники VIII в., в основном открытые автором в ходе полевых работ Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции (1969—1990). Вместе с тем автор рассмотрел в контексте общей истории евразийских степей древнюю и раннесредневековую историю племенных союзов огузов/огузов, главным из которых в течение нескольких веков были «десятиплемённые уйгуры», и историю созданных ими государственных образований. Изложенные материалы автор дополнил характеристикой письменного наследия уйгурских государств Восточного Туркестана и Ганьсу.

Книга предназначена как для специалистов-тюркологов, так и для читателей, интересующихся проблемами Степной Евразии.

На форзаце: карта-схема Уйгурского каганата в VIII—IX вв.

ISBN 978-5-85803-433-9

9 785858 034339

© С. Г. Кляшторный, 2010
© Институт восточных рукописей РАН, 2010
© Петербургское Востоковедение, 2010

*Памяти создателей и руководителей
Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции
Алексея Павловича Окладникова и
Виталия Васильевича Волкова*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Открытие в Монголии русскими и финскими исследователями в конце XIX—начале XX в. камнеписных памятников тюркского рунического письма, первых письменных памятников, созданных в Центральной Азии кочевым народом на языке этого народа, ознаменовало начало новой эпохи в историко-культурном изучении прошлого огромного региона — горно-степной зоны Евразии

Обширный информационный блок, ставший достоянием современного исследователя, при всей своей фрагментарности, очертил контуры исторического прошлого и события актуального настоящего, нашедшие отражение в памятниках, контуры эпохи создания и эпохи распада великих степных империй, времени формирования и структурирования единого геополитического пространства, простиравшегося от Великой Китайской стены до византийского лимеса по Дунаю и славянских земель по Днепру.

Большая часть найденных в Монголии текстов (памятники в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана, памятник Тоньюкука, Онгинский памятник, Чойрэнская надпись, памятник Кули-чору Тардушскому) относились к концу VII в.—20-м гг. VIII в. и относились к эпохе Второго Тюркского каганата. Открытие автором в 1969 г. согдоязычной Бугутской стелы (582), близкой по типу большим руническим памятникам Кошо-цайдама (732, 735), позволило расширить хронологический диапазон историографического поиска. Однако огорчительным оставался информационный пробел, относящийся к эпохе Уйгурского кагана (744—840). Лишь надпись из Могойн Шине-усу, открытая Г. Рамstedтом, и Карабалгасунская стела (821) с разрушенным текстом, найденная Н. М. Ядринцевым, дополняли сведения, содержащиеся в китайских династийных хрониках.

Участвуя в полевых работах Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции (1969—1990) в качестве начальника археолого-эпиграфического отряда, автор открыл, опубликовал в предварительных вариантах и комментировал три крупных памятника, датируемых уйгурской эпохой: Терхинскую, Тэсинскую и Сэврэйскую стелы. Вместе с двумя другими памятниками этого времени (надпись из Могойн Шине-усу и Карабалгасунская надпись). известными ранее и дополнительно обследованными автором, они составили эпиграфический корпус уйгурской эпохи.

В настоящем издании представлены, таким образом, результаты изучения четырех памятников, написанных руническим письмом на тюркском языке. На пятом памятнике, трехязычной Карабалгасунской стеле, сохранились лишь китайская и согдийская версии текста, интерпретированные в специальной литературе; этот памятник использован в работе как дополнительный источник.

Наряду с изданием и интерпретацией памятников, автор рассмотрел, в контексте общей истории евразийских степей, раннюю историю племенных союзов огузов/огузов, главными среди которых в течение нескольких веков были «десятиплеменные уйгуры», историю созданных ими государственных образований, а также дополнил изложенное характеристикой письменного наследия уйгурских государств Восточного Туркестана и Ганьсу.

Автор надеется, что в представленном исследовании и в других его работах удалось воссоздать общую картину ранней истории тюркских племен и племенных союзов — предшественников и предков современных тюркских народов Евразии.

ВВЕДЕНИЕ *

1

Открытие древнетюркской письменности Центральной Азии неразрывно связано с освоением и заселением русскими людьми огромных пространств Сибири, долгое время оставшейся неизвестной землей не только для европейских космографов, но и для дьяков московских приказов. Изучение Сибири было начато первооткрывателями-землепроходцами, которые сохранили в своих отписках, «скасках» и челобитных живые впечатления пытливых наблюдателей. Круг их интересов был широк — не только пути, реки, залежи металлических руд, охота, рыболовство, земледелие, но и языки, нравы и обычаи местного населения, а также взаимоотношения между местными князьями и возможность и выгодность торговли. Донесения первопроходцев и многочисленные росписи, накопленные в сибирских воеводских канцеляриях, стали основой для сводных карт — сибирских чертежей, наиболее полными из которых были различные редакции «Чертежной книги Сибири», составленной тобольским сыном боярским С. У. Ремезовым в 1696—1703 гг.

Ученые-путешественники уже во второй половине XVII в. получили столь значительную письменную и устную информацию, что смогли составить достаточно подробное описание Си-

* Более подробно, с обширной библиографией темы, история открытия и изучения тюркских и согдийских памятников Монголии, а также руники Енисея и Восточного Туркестана опубликована мною в следующих изданиях: *Кляшторный С. Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003. С. 11—42; *Кляшторный С. Г.* Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., 2006. С. 35—71, 195—207. Поэтому здесь я ограничился ссылками на работы, не названные в упомянутых изданиях, и на цитируемые работы.

бири и некоторой части Дальнего Востока. Показателен пример голландца Николаса-Корнелиссона Витсена (1641—1717), автора первого сводного труда о Сибири и Дальнем Востоке, вышедшего двумя прижизненными — 1692 и 1705 гг. — изданиями и переизданного в 1785 г. Еще в молодости, по его личной просьбе, Витсен был причислен к свите нидерландского посла Якова Борееля и вместе с посольством летом 1664 г. отправился в Москву, откуда через год вернулся на родину. В научной литературе распространено мнение, что Витсен пробыл в России несколько лет и много путешествовал по стране, так как иначе было бы невозможно собрать тот огромный материал, который впоследствии составил его книгу о «Северной и Восточной Татарию». В действительности же почти всеми описаниями Витсен обязан своим корреспондентам, о чем он сам писал, например, 29 ноября 1690 г. президенту Королевского общества в Лондоне Роберту Соутвелу: «Почти 28 лет назад я ездил в Россию, и так как я находился там только ради своего любопытства, то вошел в сношения не только с русскими, но и с татарами всех родов. Там я впервые получил сведения о положении Московии и отдаленных стран. И с тех пор я не прекращал добывать сведения разными способами и нашел путь получения и присылки писем из самых северных и северо-восточных частей света». В числе корреспондентов Витсена были столь просвещенные и хорошо знакомые с материалами о Сибири люди, как думный дьяк Андрей Андреевич Винуус (1641—1715) и Станислав Антонович Лопуцкий, придворный живописец царя Алексея Михайловича, переславший Витсену копию изготовленной в 1667 г. тобольским воеводой П. И. Годуновым первой известной русской карты Сибири — «Чертеж Сибирской земли». В книге Витсена приведены образцы лексики многих народов России, в том числе и тюркских. Ему приписывают и первые сведения о древнетюркских надписях. Действительно, среди прочих сведений о Сибири Витсен сообщает, что «недалеко от Верхотурья, на утесе, найдено несколько изображений и надписей из неизвестных букв. Об этих надписях, по преданию старейших людей тамошнего населения, полагают, что они находились в том месте более ста лет тому назад, так как нет никаких известий, когда и кем изображения были сделаны». Далее следует описание утеса, который у местных жителей носил название «Писанный камень», и сообщение об обычае «вогулов и других язычников» приносить

здесь жертвы. Однако это описание свидетельствует не о сибирских надписях, а об уральских петроглифах, ибо Верхотурье (Верхотурский городок, ныне город в Свердловской области), основанное в 1598 г. близ восточных отрогов Среднего Урала, в верховьях р. Туры, и ставшее «главными воротами в Сибирь», расположено очень далеко от зоны распространения древнетюркской письменности. Точно так же основано на недоразумении мнение об упоминании «орхонских памятников» на карте С. У. Ремезова. Но за 15 лет до выхода книги Витсена появилось более точное свидетельство о существовании на приенисейских скалах неизвестных письмен.

Одним из первых образованных путешественников по Сибири был Николай Гаврилович Спафарий (Милеску), родившийся в знатной молдавской семье (сам он называл себя греком «не только по религии, но также по происхождению»), получивший образование в Константинополе и в Падуе, долго живший в Германии и Швеции, а в 1671 г. по прибытии в Москву определенный переводчиком «эллинского, латинского и волошского языков» в Посольский приказ. В начале 1675 г. Н. Г. Спафарий возглавил русское посольство в Китай. По возвращении (1678) он представил в Посольский приказ несколько географических трудов, один из них — «Книга, а в ней написано путешествие царства Сибирского от города Тобольского и до самого рубежа Китайского». Этот труд был первым подробным географическим описанием Сибири, написанным очевидцем.

Спафарий приводит здесь не только личные наблюдения, но и всевозможные расспросные сведения. Описывает он и свой двухдневный путь по Енисею — от Енисейска до устья Ангары. О верховьях Енисея ему известно лишь то, что рассказывали местные жители: «А до большого порогу не доезжая есть место, утес каменный по Енисею. На том утесе есть вырезано на камню неведомо какое письмо и межь письмом и кресты вырезаны, так же и люди вырезаны, и в руках у них булавы... а никто не ведает, что писано и от кого».

В конце второго десятилетия XVIII в. Сибирь, в том числе и ее археологические сокровища, все более привлекает внимание Петра. В знаменитых указах о запрещении грабительских раскопок и собирании вещей для Кунсткамеры было предписано также собирать и «камни с потписью» (1718). А за год до этого, в 1717 г., в Петербург по приглашению Петра приехал из Дан-

цига тридцатидвухлетний ученый Даниил Готлиб Мессершмидт (1685—1735), которому и были поручены научные исследования в Сибири. Вместе с немногими сотрудниками, к которым присоединился в Тобольске пленный капитан шведской армии Филипп Иоганн Табберт (1676—1747), получивший после пожалования ему дворянства фамилию Страленберг, Мессершмидт совершил ряд поездок по югу Сибири.

Мессершмидт осуществил небывалую по объему программу научных исследований, размах которых выявляется лишь в последнее время, после первого издания его подневных записей. Вероятно, еще до приезда в Сибирь Мессершмидт располагал какими-то сведениями о существовании там древней письменности; во всяком случае, сразу по прибытии в Тобольск он просит сибирского губернатора, князя А. М. Черкасского, дать указание всем чиновникам доставлять ему, среди прочих раритетов, «древние калмыцкие и татарские письма и их праотческие письма».

В 1721—1722 гг. были открыты и зарисованы художником экспедиции Карлом Шульманом первые древние надписи на каменных стелах, на изваянии и на обломке бронзового зеркала, а также были собраны сведения о местонахождении многих других подобных письмен в долине Верхнего Енисея.

В 1722 г., вскоре после окончания Северной войны, Страленберг расстался с Мессершмидтом и покинул Сибирь, а в 1730 г. издал в Стокгольме книгу «Северная и восточная часть Европы и Азии», где опубликовал рисунки надписей. Страленберг, вслед за Мессершмидтом, назвал их «руническими» из-за близости в типе начертаний к хорошо известному в скандинавских странах письму. Это название не было точным, но оказалось удобным и прочно вошло в научную терминологию.

Несколько ранее Страленберга, в 1729 г., об открытых экспедицией Мессершмидта надписях сообщил в небольшой публикации З. Г. Байер, по словам А. Н. Кононова, «первый тюрколог в Академии наук», переехавший в Петербург в 1726 г. Байер предпринял также первую попытку идентификации надписей, определив их как кельтское письмо.

Последующие находки каменных стел с руническими надписями в пределах Минусинской котловины, а со второй половины XIX в. и южнее Саян связаны с именами многих исследователей, путешественников, краеведов. Наиболее велики заслуги

Григория Ивановича Спасского (1783—1864), опубликовавшего в 1818 г. первый свод енисейской руники в своих «Древностях Сибири». Извлечения из этого труда, касающиеся надписей, были переведены академиком И. Ф. Кругом на латинский язык и изданы под названием «Inscriptiones Sibiricae» (СПб., 1822). Появление латинского перевода сообщений о сибирской рунике привлекло внимание известных востоковедов того времени Абель-Ремюза и Г.-Ю. Клапрота, знакомых с широким кругом исторических источников, относящихся к Центральной Азии. Отмечая, что сходство с северными рунами может быть обманчивым, а сами надписи находятся в землях, где некогда обитали тюрки, Абель-Ремюза в своей рецензии на книгу Спасского тем не менее отнес надписи к усуням, которых он рассматривал как ветвь «индо-гóтов»; язык надписей при такой исходной посылке мог быть только индоевропейским. Более правильную, как показало время, позицию выбрал Клапрот. Сопоставив зону распространения надписей с известиями китайских хроник о расселении енисейских кыргызов и наличии у них письма, он предложил определить надписи как древнекыргызские. Это была, по существу, первая научная дискуссия, связанная с атрибуцией памятников.

В последней трети XIX в. русские исследования в Центральной Азии и южных районах Восточной Сибири приобретают широкий размах. Развитию экспедиционных исследований особенно способствовала деятельность сибирских отделов Географического общества, а также возникновение в Минусинске первого класса для того времени музея, основанного в 1877 г. Н. М. Мартыановым. Деятельность этих местных центров существенно дополняла результаты великих центральноазиатских экспедиций Н. М. Пржевальского, его учеников и продолжателей. Наиболее активной научной силой в сибирских учреждениях Географического общества были политические ссыльные и деятели сибирского областничества — Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, Д. А. Клеменц. С именами двух последних связано одно из крупнейших открытий в тюркологии.

Уроженец Сибири и страстный патриот, Николай Михайлович Ядринцев (1842—1894) был признанным вождем наиболее демократического направления в областничестве. Незаурядный публицист и литератор, он в то же время был виднейшим деятелем Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского отделов Гео-

графического общества, занимаясь главным образом социолого-этнографическим изучением населения Сибири, а также историко-археологическими изысканиями.

Научным триумфом Н. М. Ядринцева стала экспедиция в Северную Монголию в 1889 г. С четырьмя спутниками он выехал туда на средства и по поручению Восточно-Сибирского отдела Географического общества главным образом с археологическими целями, в частности для точного определения местоположения Каракорума, столицы первых чингисидов. В долине р. Орхон Ядринцев уделил особое внимание осмотру городища Карабалгасун, стены и центральные (дворцовые) сооружения которого сохранились во внешних обводах достаточно четко. «Наше внимание, — пишет Ядринцев, — привлекла группа гранитных обломков, лежавших в 600 шагах от дворца около каких-то валов и возвышений. Это были гранитные камни. Присмотревшись, мы увидели на них высеченные барельефы и вскоре различили китайского лу или типического дракона; рядом мы нашли его голову. Обломки доказали, что это было изваяние обелиска или монумента, где по закругленной части было сделано три дракона с каждой стороны, т. е. справа и слева они сходились головами вниз. Половина этого щита уцелела и, взглянув на него, к изумлению мы увидели здесь изображение знакомых рунических знаков, которыми испещрены енисейские могильники. Затем на других обломках мы нашли, кроме тех же знаков, китайские надписи и как бы монгольские, на самом деле оказавшиеся уйгурскими... Воображение невольно работало, воскрешая картину прошлой жизни... Мы сознавали, что стоим у разгадки того, что занимало ученых ориенталистов. Мы не могли не испытывать волнения и приятного трепета, который ощущается накануне ученых открытий, и эти блаженные минуты нравственного удовлетворения заставляют забывать... лишения дальних путешествий». А через две недели, узнав от местного монгольского населения о больших камнях с подобными надписями, Ядринцев обнаружил в урочище Кошо-цайдам, невдалеке от Карабалгасуна, два громадных каменных памятника с руническими и китайскими надписями и остатки значительных погребальных сооружений с мраморными статуями людей и животных. Изготовив копии 40 строк рун и части иероглифического текста, экспедиция спешно вернулась в Россию.

Сообщение Ядринцева и рассылка ряду крупных ученых литографированных копий рисунков рунических знаков, которые он сделал, вызвали сенсацию. Незадолго до этого В. Р. Розен писал: «В науке исторической археологии девятнадцатый век останется вечно памятным дешифровкой письмен иероглифических и клинописных разных систем. Не хотелось бы верить, что загадочные до сих пор сибирские надписи перейдут неразгаданными в 20-е столетие. находка двуязычной надписи открывала, казалось, столь желанные новые возможности». Но прежде необходимо было получить точные и полные копии иероглифического и рунического текстов, а также осуществить археологическое обследование обнаруженных погребальных комплексов. Началась подготовка Орхонской экспедиции русской Академии наук под руководством академика В. В. Радлова. Ее опередила, однако, небольшая финская экспедиция.

Мысль М. А. Кастрена об Алтае и Сибири как прародине всех финно-угорских народов побудила многих финских ученых искать там следы развитой цивилизации, которую можно было бы определить как прафинскую. Обнаруженные в Сибири загадочные надписи в связи с этой гипотезой стали весьма заманчивым объектом исследований и истолкований.

В 1883 г. в Хельсинки было основано Финно-угорское общество для объединения усилий в области урало-алтаистики. В 1887 г. финские археологи Иоганн-Рейнгольд Аспелин (1842—1915) и Отто-Хельман Апеельгрэн-Кивало (1853—1937) начали работы по изучению надписей на Енисее. В течение двух сезонов они скопировали 32 надписи, а в 1889 г. крупнейший финский филолог Отто Доннер (1835—1909) издал первый относительно полный корпус енисейских надписей.

Участвуя в VIII археологическом конгрессе в Москве (январь—февраль 1890 г.), где сообщалось об открытии в Монголии, О. Доннер и И. Аспелин получали подробную информацию от Н. М. Ядринцева. Уже 15 мая 1890 г. сотрудник Аспелина Аксель Олай Гейкель (1851—1924) был в Монголии; к концу августа работа по изготовлению эстампажей и по фотографированию памятников была закончена, а в 1892 г. вышел новый финский корпус рунических надписей, на этот раз орхонских.

Летом 1891 г. в Монголии начала работу хорошо подготовленная русская экспедиция В. В. Радлова, активным участником которой был Дмитрий Александрович Клеменц (1848—1914),

ссылный народоволец, работавший в Минусинском музее, один из самых замечательных исследователей древностей Сибири конца XIX в. Участвовал в экспедиции и Н. М. Ядринцев, а также фотограф и художник С. М. Дудин, топограф И. И. Щеголев и натуралист Н. П. Левин. Уже в следующем году, одновременно с финским, вышел подготовленный экспедицией «Атлас древностей Монголии», содержащий как копии надписей (фотографии и эстампажи), так и результаты широких археологических обследований всего комплекса памятников. Условия для атрибуции и дешифровки памятников были подготовлены.

Уже в финском атласе публиковались первые переводы китайских текстов обоих памятников из Кошо-цайдама, выполненные Г. Девериа и Г. Габеленцем. Эти переводы позволили датировать памятники VIII в. и определить их как погребальные надписи, посвященные двум видным деятелям Тюркского каганата — кагана, китайская передача имени которого — Бигякэхань, и его брата, по-китайски — Кюе-деле.

Исследователи полагали, что рунические тексты памятников были написаны на одном из тюркских языков. К поискам путей дешифровки надписей приступили В. В. Радлов и Вильгельм Томсен (1842—1927), известнейший датский филолог. 23 ноября 1893 г., «в самый тревожный день своей мирной жизни», как говорит Брэндел, Томсен нашел разгадку енисейско-орхонских письмен; благодаря счастливой идее, основанной, конечно, на долгих предварительных изысканиях, ему в течение одного часа удалось установить фонетическое значение почти всех письмен. 15 декабря открытие было доложено датской Академии наук; еще до этого заседания Томсен в декабре сообщил о своем открытии академику В. В. Радлову, и в январе 1894 г. Радлов представил в Академию наук, конечно со ссылкой на открытие Томсена, «свой опыт перевода надписей». Оба Кошо-цайдамаских памятника были идентифицированы — они воздвигнуты в честь Бильге-кагана и его брата Кюль-тегина. Карабалгасунский памятник относился к более поздней эпохе, но тюркский текст надписи практически не сохранился.

В 1894—1895 гг. В. В. Радлов публикует вначале предварительный опыт перевода памятников в честь Кюль-тегина, а затем три выпуска «Древнетюркских надписей Монголии». С этого времени изучение древнетюркских памятников выделилось в

особую отрасль тюркологии, признанной «столицей» которой стал в те годы Петербург.

В 1897 г. выходят новые исследования Кошо-цайдамских надписей. Годом раньше В. Томсен публикует свою транскрипцию и перевод этих памятников. Между тем сотрудники Орхонской экспедиции, хотя и без непосредственного участия В. В. Радлова, в поездках по Монголии и Туве открывают новые рунические памятники и проводят археологические исследования, давшие ценные результаты. В 1891 г. Н. М. Ядринцев открыл Онгинский и Асхетинский памятники, а Д. А. Клеменц тщательно обследовал городище Карабалгасун и некоторые другие городища Северной Монголии и Тувы. В 1893 г. Д. А. Клеменц находит рунические надписи черной краской на скале Тотхирчулу (р. Хойто-Тамир). В 1897 г. Е. Н. Клеменц в урочище Баин-Цокто обнаружила древнетюркский погребальный комплекс, а в его составе — два гранитных столба, покрытые руническими знаками. Это был памятник Тоньюкука, которому В. В. Радлов посвятил выпуск «Атласа древностей Монголии» и специальный выпуск «Древнетюркских надписей Монголии».

С 1897 г. в изучение древнетюркских памятников активно включается талантливый ученик В. В. Радлова — П. М. Мелиоранский. Особый интерес представляет его публикация памятника в честь Кюль-тегина, не утратившая своего значения и поныне; она смело может быть названа образцовой публикацией древнетюркского памятника, совмещающей тщательное текстологическое исследование, подробный лингвистический анализ и всесторонний историографический комментарий. Несколько позднее, в 1909—1911 гг., В. В. Радлов издает серию статей, где изложены соображения о древнетюркских диалектах и разбираются новые находки из Восточного Туркестана — фрагменты «рун на бумаге» (восемь опубликованных А. Лекоком и один переданный В. В. Радлову С. Ф. Ольденбургом). Отдельно публикуются надписи, обнаруженные в Яр-хото (1898) Д. А. Клеменцем.

Другим центром изучения древнетюркской рунической эпиграфики оставался к началу XX в. Гельсингфорс (Хельсинки). Финно-угорское общество продолжало субсидировать полевые исследования, хотя и в значительно меньших масштабах, издавало важнейшие труды В. Томсена, публикации О. Доннера, А. Гейкеля, Г. И. Рамstedта. В 1896—1897 гг. в Восточном Казахстане и на Алтае работала экспедиция Отто Доннера-младше-

го (1871—1932), открывшая несколько мелких надписей, к сожалению, неопубликованных. В 1898 г. в долине Таласа, а затем в Восточном Туркестане работала экспедиция Х. И. Гейкеля (1865—1937), некоторые результаты ее были опубликованы в 1918 г. В 1898 г. О. Доннер отправил в Монголию своего ученика, в то время более монголиста, чем тюрколога, впоследствии ставшего одним из создателей современной алтаистики Г. И. Рамstedта (1873—1950). В 1909 г., вновь вернувшись в Монголию, Рамstedт повторно исследовал памятник Тоньюкука (материалы опубликованы его учеником, Пенти Аалто, в 1958 г.), скопировал открытую ранее Суджинскую надпись, а затем возле оз. Могойн Шине-усу обнаружил новый крупный рунический памятник, первоначально названный им «Селенгинским камнем».

В 1906—1910 гг. три поездки в Туву и Монголию совершил по заданию Финно-угорского общества И. Г. Гранэ (1882—1956), который открыл несколько новых енисейских памятников и исследовал рунические надписи на скале Тайхир-чулу, близ р. Хойто-Тамир.

С середины первого десятилетия XX в. интерес к руническим памятникам несколько снижается. А. Н. Самойлович так характеризует новый период: «П. М. Мелиоранский, самый молодой из трех главных участников разработки памятников турецкой рунообразной письменности, наиболее близкий к В. Томсену по научной точности своих исследовательских приемов, был рано похищен у науки смертью. В. В. Радлов с началом появления из песков Восточного Туркестана обильных памятников уйгурской письменности отошел от надписей Монголии и Сибири, которые он все (не считая позднее открытых Рамstedтом и Котвичем) проработал в предварительном виде, снабдив глоссариями и грамматическим очерком. В. Банг, давший несколько статей по памятникам енисейско-орхонской письменности и открывший особую систему сочетания единиц и десятков в числительных этих надписей, не задержался на этих памятниках, а занялся детальным изучением Codex Cumanicus'a и увлекся подготовительными исследованиями по исторической грамматике турецких языков. Вамбери ограничился не имевшими большого значения заметками по языку турецких рун. Рамstedт, более монголист, чем тюрколог, только на время вошел в число исследователей турецких памятников Монголии, чтобы выпустить в свет издание и перевод открытых им самим надписей». Особое

место в дальнейшем изучении древнетюркской руники принадлежало В. Томсену. «С 1893 по 1927 гг. в центре научных интересов В. Томсена, вопреки его первоначальным намерениям, оставались вырезанные на камнях и сохранившиеся в Монголии и Сибири памятники турецкой руновидной письменности, в изучение языка которых знаменитый датский ученый продолжал, с некоторыми перерывами, все более и более углубляться по мере расширения своих туркологических познаний и по мере развития туркологии трудами других ученых разных стран, особенно в связи с богатейшими находками памятников древнего турецкого языка при археологических раскопках в Китайском Туркестане»¹.

Две главные причины обусловили отход большинства исследователей от дальнейшего углубленного изучения орхоно-енисейских памятников — во-первых, появление большого числа новых материалов из Восточного Туркестана, изучение которых привело к ряду сенсационных открытий, и во-вторых, завершение первоначальной обработки орхоно-енисейских текстов. Для получения новых данных требовалась длительная, кропотливая работа, не сулящая, как казалось, значительных результатов. Ошибочность этого представления стала очевидной после публикации В. Томсеном новых работ — «Turgica» (1916) и «Древнетюркские надписи из Монголии» (1922), завершивших его более чем тридцатилетний труд над древнетюркскими руническими памятниками.

Вместе с тем были открыты новые памятники, издание и перевод которых осуществили В. Томсен («руны на бумаге» из Восточного Туркестана), Г. И. Рамstedт (Суджинская и Селенгинская надписи), В. Л. Котвич и А. Н. Самойлович (надпись в Ихе Хушоту).

После открытия В. Л. Котвичем надписи Ихе Хушоту (памятник Кули-чора) в 1912 г. находки, как, впрочем, и специальные поиски новых крупных памятников рунической письменности, надолго прекратились. Основным содержанием тюркской рунологии на несколько десятилетий стало освоение уже опубликованных материалов и пересмотр достигнутых ранее результатов. Этот процесс не изменили ни открытие новых мелких и

¹ Самойлович А. Н. Вильгельм Томсен и туркология // Памяти Вильгельма Томсена к годовщине со дня смерти. Л., 1928. С. 24—25.

весьма трафаретных по содержанию и языку енисейских надписей, ни находки еще более кратких надписей, а иногда и отдельных знаков в других районах распространения древнетюркского рунического письма.

2

Новый этап изучения орхоно-енисейской письменности, начавшийся в 1930—40-х гг., связан с серьезными изменениями в состоянии тюркской филологии. Благодаря вовлечению в круг исследуемых памятников древнеуйгурских текстов, словаря Махмуда Кашгарского и некоторых других материалов, их постепенному освоению область изучения древнетюркских языков значительно расширилась. Были предприняты попытки построения исторической классификации и исторической грамматики тюркских языков, усилился интерес к поискам родственных связей этих языков с другими языками, близкими к ним в материальном и типологическом отношении (алтаистика). В этих условиях резко возросла роль древнейших тюркских языковых памятников для дальнейшего развития тюркского и «алтайского» языкознания. В то же время многие материалы позволили отчасти пересмотреть как переводы памятников, так и те выводы филологического и исторического порядка, которые были сделаны в конце XIX—начале XX в.

Первая попытка в этом направлении, предпринятая Х. Н. Оркуном, не была признана удовлетворительной, однако опыт составления корпуса рунических надписей сам по себе заслуживает внимания. Впервые после известных работ В. В. Радлова появились достаточно подробные описания языка древнетюркских памятников. Особое значение для изучения древнетюркской письменности имеют обобщающие труды С. Е. Малова, издание которых послужило толчком к резкому расширению диапазона работ по сравнительно-историческому изучению тюркских языков.

Весьма важны грамматические очерки языка древнетюркских рунических памятников, опубликованные сопоставительно с грамматическими очерками других древнетюркских и современных тюркских языков, а также сравнительный анализ древнетюркских языковых фактов в системе общего описания фонологии, морфологии и синтаксиса тюркских языков. Наконец,

выход в свет «Древнетюркского словаря», история создания которого охватывает более сорока лет, и публикация словаря Дж. Клосона имеют фундаментальное значение для развития тюркологических и общеалтаистических исследований в мировом масштабе. Направление дальнейших исследований, по новейшей оценке, наиболее настоятельно диктуется необходимостью изучения графической системы руники (эволюция графики, относительная и абсолютная датировка памятников на ее основе, отражение в графике звуковой стороны языка и проблема соотношения: графема — фонема — вариант фонемы), диалектных различий в языке памятников и диалектных взаимоотношений орхоно-енисейских памятников с остальными древнетюркскими памятниками, а также системного описания грамматического строя каждого памятника в отдельности и в сопоставлении друг с другом.

Вместе с тем сохраняет значение работа по ревизии и переизданию уже известных текстов, проводимая в продолжение последних двух десятилетий. Возобновление в 1969—1970 гг. систематического полевого обследования и поиска рунических памятников не замедлило сказаться на решении ряда важных историко-культурных проблем, связанных с изучением руники. Так, было установлено, что руническая письменность в Монголии явление не локальное, а распространенное во всех районах древнетюркских племен, вплоть до Южной Гоби. Характер надписей убеждает, что рунической письменностью пользовались достаточно широко, а отсутствие профессионализма в исполнении мелких наскальных надписей указывает на значительный круг людей, владевших письмом².

Наиболее ранним датируемым памятником рунического письма в Монголии пока можно считать Чойрэнскую надпись, относящуюся к 688—691 гг., т. е. к периоду возникновения Второго Тюркского каганата. Прочтение и датировка этой надписи показывают, что, вопреки распространенному мнению, употребление рунического письма в VII в., по крайней мере во второй половине этого столетия, было столь же заурядным явлением, как и для двух последующих столетий.

² Кляшторный С. Г. Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии в 1968—1969 гг.) // Тюркологический сборник, 1972. М., 1973. С. 254—264.

Многовековые контакты согдийцев с тюрками и другими народами Центральной Азии — одна из наиболее ярких страниц истории мировой культуры. Манихейские рукописи, открытые в Турфане, свидетельствуют о роли согдийцев в уйгурских государствах VIII—IX вв., о согдийско-тюркских связях говорят и древнетюркские (рунические и уйгурские), и согдийские тексты. Уйгуры познакомились с манихейством и буддизмом через посредство согдийцев, а уйгурское письмо прямо продолжает согдийское. По словам В. В. Бартольда, «заслуги согдийцев в деле распространения алфавита семитского происхождения дают им право на место в истории рядом с финикийцами», а значение согдийцев в международной торговле «едва ли уступало торговому значению финикийцев в древности».

Великая центральноазиатская эстафета письменностей, начатая согдийцами, была подхвачена тюрками, уйгурами и, позднее, монголами: от уйгурского берет свое начало монгольское письмо, монголы передали письменность маньчжурам. Примечательно, что уже на первом этапе этой эстафеты тюрки выступали не только в роли учеников: согдийский алфавит, заимствованный уйгурами, был дополнен буквой *l* (палеографически — согд. *r* с диакритикой), и в таком — модифицированном — виде его применяли (вероятно, уже со второй половины VIII в.) и сами согдийцы. Этот вариант курсивного согдийского письма принято именовать «уйгурско-согдийским», он известен по согдийским рукописям из Дуньхуана и Турфана, а также по Карабалгасунской надписи, открытой Н. М. Ядринцевым в 1889 г. в Северной Монголии, на левом берегу р. Орхон, среди развалин древней столицы уйгуров³.

Надпись содержала три версии — китайскую, древнетюркскую руническую и согдийскую. Первоначально согдийская версия была принята за уйгурскую. Н. М. Ядринцев доставил в Петербург один фрагмент этой версии, содержащий 4 строки;

³ Историю изучения Карабалгасунской надписи и ее более полную характеристику см.: *Hamilton J. R. L'inscription trilingue de Qara Balgasun d'après les estampages de Bouillane de Lacoste // Documents de archives provenant de l'Asie Centrale / Ed. A. Haneda. Kyoto, 1990. P. 125—133.*

еще несколько фрагментов было открыто экспедициями А. Гейкеля (1890) и В. В. Радлова (1891). Лишь в 1909 г., после открытия и идентификации согдийских рукописных текстов из Восточного Туркестана, Ф. В. К. Мюллер установил, что эта версия Карабалгасунской надписи составлена на согдийском языке. Фотографии эстампажей большинства дошедших до нас фрагментов согдийской версии опубликованы в «Атласе» В. В. Радлова. Первое издание текста и перевод всех согдийских фрагментов принадлежат О. Хансену.

Древнетюркская руническая версия Карабалгасунской надписи уничтожена почти целиком, так что о содержании надписи можно судить главным образом по китайской версии, хорошо сохранившейся. Исследование китайского текста Карабалгасунской надписи, начатое в 1896—1897 гг. Г. Шлегелем и В. П. Васильевым и кардинально продвинутое в 1911—1913 гг. Э. Шаванном и П. Пельо, продолжено главным образом японскими учеными. Последний русский перевод принадлежит А. К. Камалову⁴.

В согдийской версии Карабалгасунской надписи сохранились фрагменты, составляющие в общей сложности, по-видимому, не более 1/4 первоначального ее текста. В издании О. Хансена сделана попытка восстановить последовательность фрагментов, однако задача эта оказалась весьма трудной, особенно если учесть, что согдийская версия, как можно судить по сохранившимся частям, некоторыми существенными деталями отличалась от китайской. Так, в частности, только в согдийской версии содержится точное обозначение религии Мани, принятой в 763 г. в качестве официальной в Уйгурском царстве, а также упоминание о «(манихейских) послушниках» (*nywš'kt*), очень важное для характеристики содержания всей надписи⁵.

⁴ Камалов А. К. Древние уйгуры VIII—IX вв. / Отв. ред. С. Г. Кляшторный. Алматы, 2001. С. 180—183.

⁵ Все оценки и характеристики согдийской версии Карабалгасунской надписи, излагаемые здесь, принадлежат В. А. Лившицу и в более полном изложении опубликованы в нашей совместной статье: Кляшторный С. Г., Лившиц В. А. Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1979. С. 37—60.

В издании О. Хансена опубликованы транслитерация и перевод текста 6 больших и 5 малых фрагментов согдийской версии. Тексты больших фрагментов удается свести воедино и, таким образом, реконструировать и локализовать значительные отрезки длинных вертикальных строк надписи (в издании Хансена таких строк — 24), однако многочисленные лакуны затрудняют восстановление контекста. Начальные части строк 1—18 сохранились, однако ни одну из этих строк не удается восстановить полностью; еще хуже состояние текста в строках 19—24.

Из 5 малых фрагментов удается достаточно точно локализовать только один — «заглавие» согдийской версии, начертанное на огромном панцире каменной черепахи, располагавшейся у основания стелы. Это «заглавие», повторенное в начале 1-й строки, содержало титул и имя кагана, в честь которого была сооружена стела, и обозначение последней (*pts'k*). Титул и имя кагана в согдийской транслитерации весьма точно воспроизводят обозначение его в древнетюркской (рунической) надписи, сохранившейся на панцире: *Ai täñridä qut bulmiš alp bilgä βayı uıyur qaγan* — 'Получивший небесную харизму власти Алп-бильге, господин, уйгурский каган'. Этот каган правил в 808—821 гг., и можно предполагать, что надпись была составлена вскоре после 821 г., если надпись мемориальная, или между 808—821 гг., если стела была установлена при жизни кагана. Точной даты ни в одной из версий обнаружить не удастся; возможно, ее вообще не было в надписи. Нет оснований считать, вслед за Эд. Шаванном и Р. Пельо, что титул *täñri qaγan* 'божественный каган', засвидетельствованный в древнетюркской и китайской (*тянь кэхань*) версиях надписи, мог прилагаться и к верховным правителям Уйгурского царства лишь при их жизни. Точно так же необоснованным представляется и мнение О. Хансена, согласно которому употребление в согдийской версии титула *βуу* (в качестве эквивалента для др.-тюрк. *täñri*) должно указывать на сооружение стелы при жизни кагана. О том, что Карабалгасунская стела могла быть воздвигнута после смерти кагана Алп-бильге, свидетельствуют сохранившиеся части 2-й и 3-й строк согдийской версии, в которых, после повторения титулатуры Алп-бильге, говорится: «этот памятник (*pts'k*) мы написали», а далее следует перечень представителей уйгурской знати — вельмож, которые были, очевидно, инициаторами сооружения стелы. Существенно, что эпитеты, сопровождающие

титулы Алп-бильге, выступают здесь в форме винительного падежа: речь идет не о действиях самого кагана, а об увековечении его памяти.

Подобно древнетюркским орхонским эпитафиям, Карабалгасунская надпись повествует об основных событиях политической и военной истории, относящихся не только к периоду правления кагана, в честь которого воздвигнут памятник, но и к правлениям его предшественников. В согдийской версии надписи можно найти упоминания о многих предшественниках Алп-бильге, в том числе: Алп Кутлуг Бильге Кюль-каган, правивший в 746 г. (он же Кутлуг Бойла, сын Озмыша); Элетмиш Бильге-каган (746—759); Бёгю-каган (759—779), в правление которого было официально принято манихейство; Алп Кутлуг Бильге-каган (780—789); Кюлюг Бильге-каган (789—790); Кутлуг Бильге-каган (790—795); Алп Кутлуг Улуг Бильге-каган (795—805).

В надписи рассказывалось о многочисленных военных походах правителей Уйгурского царства. В согдийской версии сохранились очень фрагментарные упоминания о походах против «кагана кыргызов» (*yr̄yuz̄u y'yn*), войско которого насчитывало 200 000 лучников, против карлуков и тибетцев, о войне с тюркешами. Особый интерес вызывает упоминание в надписи военной экспедиции в страну «Четырех тугри» (*ctβ'r twyr'kc'ny*), осуществленной, очевидно, в связи с походами на карлуков и тибетцев [строка 19 «(уйгурский каган разбил) мощную тибетскую армию и (войско) „Четырех тугри“ и много других...»]. О стране «Четырех тугри» говорится и в одном среднеперсидском манихейском тексте из Турфана, а также в колофонах древнетюркских буддийских и манихейских рукописей. В. Б. Хеннинг убедительно доказал, что речь идет об области в Восточном Туркестане, лежавшей, вероятно, между Бешбалыком и Кучой; название «Четырех тугри», несомненно, связанное с этнонимом *тугри* (или *тогри*, *twyry*), имеет первостепенное значение для правильного разрешения многих аспектов «тохарской проблемы», прежде всего для выяснения этнической принадлежности носителей индоевропейского языка Карашахра-Арги восточно-туркестанских текстов (язык «тохарский А»).

Чтение и перевод фрагментов согдийской версии Карабалгасунской надписи, предложенные О. Хансеном в 1930 г., подверглись некоторым уточнениям в согдологических работах, опубли-

кованных в течение последних десятилетий (прежде всего в исследованиях Э. Бенвениста, В. Б. Хеннинга и Ю. Йосиды).

4

Археологические и эпиграфические исследования, развернувшиеся на территории Монголии в 1969—1990 гг., осуществлялись в рамках исследовательских работ Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции (СМИКЭ), а все новые эпиграфические открытия — с работой эпиграфического отряда СМИКЭ⁶. Если более важным памятником тюркской эпохи, открытым в те годы, была согдоязычная Бугутская надпись, то другим важнейшим итогом полевых работ стало открытие трех памятников уйгурской эпохи — Терхинской стелы, Тэсинской стелы и Сэврэйской стелы. Если учесть, что до того были известны лишь два достоверно датированных памятника того времени — стелы из Могойн Шине-усу (МШУ) и Карабалгасунского памятника, вся тюркская руническая часть текста которого практически разрушена, то, учитывая раннюю датировку относительно хорошо сохранившихся памятников Терхина, Тэса и Могойн Шине-усу и их теснейшую текстологическую и историографическую связь как между собой, так и с плохо сохранившейся тюрко-согдийской Сэврэйской надписью, именно эту группу текстов возможно обозначить как *эпиграфический корпус раннего Уйгурского каганата* (744—762). Именно эти тексты стали предметом изучения в настоящем издании.

⁶ *Кляшторный С. Г.* Древнетюркская письменность... 1973. С. 254—264; *Он же.* Эпиграфические исследования в Монголии // АО. 1975. М., 1975. С. 580; *Он же.* Эпиграфические работы в Монголии // АО. 1976. М., 1977. С. 588—589; *Он же.* Эпиграфические работы в Монголии // АО. 1977. М., 1978. С. 575—576; *Он же.* Эпиграфические работы в Монголии // АО. 1978. М., 1979. С. 270—275; *Кляшторный С. Г., Лившиц В. А.* Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии. С. 37—60; *Он же.* Эпиграфические работы в Монголии // Археологический судлал. Улаан-Баатар, 1980. Т. IX. С. 17—33; *Он же.* Эпиграфические работы в Монголии // АО. 1980. М., 1981. С. 487—488; *Он же.* Советско-Монгольская экспедиция. 1982 // АО. 1982. М., 1984. С. 511—512.

Следует отметить, что во второй половине 1990-х гг. японские исследователи совместно с монгольскими учеными (руководители полевых работ — проф. Т. Мориясу и проф. А. Очир) осуществили повторное обследование тюркских рунических памятников Монголии и опубликовали на японском языке предварительный отчет о проделанной работе⁷.

Ниже мы коснемся истории открытия и изучения каждого из публикуемых памятников в посвященных им разделах.

⁷ Provisional report of researches on historical sites and inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998 / Ed. by T. Moriyasu and A. Ochir. Tokyo, 1999.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
Введение	8
Часть первая. Рунические памятники Уйгурского каганата	27
Глава I. Терхинская надпись	28
Глава II. Надпись из Могойн Шине-усу	50
Глава III. Тэсинский памятник	78
Глава IV. Сэврэйский камень	92
Часть вторая. Огузские и тюркские племенные союзы и государства в кочевом мире Евразии (1-е тыс. до н. э.—1-е тыс. н. э.)	102
Глава I. Древние кочевые племена и государства Центральной Азии	103
Глава II. Евразийская степь в IV—VI вв.	137
Глава III. Империя тюркских каганов VI—начала VIII в. и ее наследники	180
Глава IV. История Уйгурского каганата в памятниках древнеуйгурской рунической письменности	242
Глава V. Письменные памятники уйгуров в Восточном Туркестане и Ганьсу	276
Список сокращений	322
Иллюстрации	327

СЕРГЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ КЛЯШТОРНЫЙ

**РУНИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ УЙГУРСКОГО КАГАНАТА
И ИСТОРИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ**

научное издание

Редактор и корректор — *Т. Г. Бугакова*
Технический редактор — *Г. В. Тихомирова*

Макет подготовлен в издательстве
«Петербургское Востоковедение»

Подписано в печать 01.12.2010
Гарнитура основного текста типа «Times»
Бумага офсетная. Печать офсетная
Формат 60×90¹/₁₆. Объем 25, 8 уч.-изд. л.
Тираж 500 экз. Заказ № 3573

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография „Наука“»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Тюркская статуя близ озера Худу-нур. VIII в. Архангайский аймак.
Монголия. Фото автора

**Издательство
«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»**

Наши книги всегда в продаже в следующих магазинах:

Розница и мелкий опт:

«Университетская книга»

В Санкт-Петербурге:

Санкт-Петербург, Средний пр., д. 60 (во флигеле)

Тел.: (812) 640-08-71; e-mail: ukniga@sp.ru

Розница:

Специализированный магазин книг по восточной тематике

«Восточная коллекция»

Отдельный стенд Центра «Петербургское Востоковедение»

Возможность заказа книг из Санкт-Петербурга по тематическому плану и по индивидуальным заявкам

Москва, Большой Левшинский пер., д. 8/1, стр. 2

(м. «Смоленская», «Кропоткинская», «Парк культуры»)

Тел.: (095) 637-34-38, 637-74-90

e-mail: east_coll@hotmail.ru

**Специализированный книжный магазин гуманитарного
профиля**

«Университетский книжный салон»

Отдельный стенд Центра «Петербургское Востоковедение»

Возможность индивидуального заказа книг нашего издательства

Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11

(м. «Василеостровская»)

Тел.: (812) 328-95-11; e-mail: 3286213@mail.ru

Электронный магазин книжной торговли:

<http://ozon.ru>